

Ксения
СОБОЛЕВА

ИЗМЕНА.

ТЫ ОТДАШЬ ЕЙ
НАШУ ДОЧЬ

Ксения Соболева

Измена. Ты отдашь ей нашу дочь!

«Литнет»

2026

Соболева К.

Измена. Ты отдашь ей нашу дочь! / К. Соболева — «Литнет», 2026

— Соня останется со мной, — спокойно говорит муж, будто уже всё решил.
— Ей нужна стабильность. И женщина, которая сможет быть рядом. Двадцать два года брака. Общий бизнес. Взрослый сын и восьмилетняя дочь. А потом Максим кладёт передо мной соглашение о разводе и сообщает, что уже полтора года любит другую. Но измена оказывается не самым страшным. Пока я работала и верила мужу, он знакомил нашу дочь со своей любовницей. Водил их вместе гулять. Приводил её в наш дом. Объяснял Соне, что мама всё знает и скоро у неё появится новая семья. А ещё учил мою дочь привыкать к мысли, что однажды мама может «снова заболеть» и исчезнуть. Максим уверен: я слишком занятая, слишком холодная и слишком эмоциональная одновременно. Поэтому дочь в конце концов сама выберет его. Только я больше не собираюсь бороться за любовь собственного ребёнка. Потому что Соня — не приз. А моё место матери не может получить другая женщина только потому, что так решил мой муж.

Содержание

Глава 1. Соглашение для бывшей жены	5
Глава 2. Лера, о которой мама всё знает	18
Глава 3. Версия для сына	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Соглашение для бывшей жены

Последние гости покидали бюро медленно и неохотно, будто двадцатилетие чужого общего дела давало им законное право задержаться ещё на несколько минут возле столов с шампанским, доест таралетки и повторить Анне всё то, что она уже слышала раз двадцать за этот вечер. Ей пожимали руки, обнимали за плечи, благодарили за годы совместной работы, хотя в поздравительных речах имя Анны неизменно появлялось после имени Максима, словно она присоединилась к нему позднее, заняла оставшееся свободным место и всё это время лишь помогала настоящему создателю семейного бюро не забывать важные даты.

Она улыбалась, принимала цветы и отвечала привычными словами. Улыбка держалась на лице легко, потому что за годы публичных встреч Анна научилась носить её не хуже хорошо подобранной помады: даже когда уголки губ начинали уставать, никто не замечал разницы.

На стене большого зала всё ещё светились фотографии, подготовленные к юбилею. Двадцать лет уместили в несколько десятков кадров: первый тесный кабинет с облупившейся батареей, Максим за старым столом, Анна с младенцем Ильёй на руках, переезд в просторное помещение, первые награды, телевизионные съёмки, новые сотрудники, поездки, открытие второго этажа. На большинстве фотографий Максим смотрел прямо в объектив, будто уже тогда понимал, что однажды станет лицом их общего дела, а Анна оказывалась чуть сбоку, с папкой, телефоном, ребёнком или чашкой кофе в руках.

Она и сама раньше не замечала этой закономерности. Сегодня фотографии почему-то складывались в историю человека, который всегда находился в центре, и женщины, следившей, чтобы центр был хорошо освещён.

— Анна Викторовна, мы тогда поедem, — сказала Света из отдела сопровождения, прижимая к груди большой букет, который кто-то из гостей в суматохе оставил на её столе. Девушка устало улыбнулась, поправила выбившуюся прядь и кивнула в сторону коридора, где двое молодых сотрудников уже натягивали пальто. — Остальное утром уберём, здесь всё равно охрана останется.

— Езжайте, конечно, — ответила Анна, бросив взгляд на часы. Было почти половина одиннадцатого, и даже музыка, ещё недавно заглушавшая разговоры, теперь казалась слишком громкой для пустующего помещения. — Спасибо вам за вечер. Вы всё прекрасно организовали.

Света просияла, словно именно этой похвалы ждала с начала праздника, и быстро ушла вслед за остальными. Стеклоанная дверь закрылась, отрезав Анну от последних голосов, после чего в большом зале остались только тихая музыка, запах еды, несколько десятков пустых бокалов и огромная цифра «20», составленная из золотых воздушных шаров.

Один шар уже сдулся и висел ниже остальных. Ноль от этого слегка перекоился, превратив торжественную дату в нечто усталое и нелепое, но Анна всё равно подошла к конструкции и машинально попыталась поправить ленту.

— Оставь, утром снимут, — произнёс Максим у неё за спиной. Он говорил спокойно, немного устало, и в его голосе всё ещё сохранялись те уверенные нотки, которыми он несколько часов подряд благодарил гостей и рассказывал, как двадцать лет назад они с женой рискнули создать собственное дело. — Задержиcь на десять минут. Нам нужно кое-что обсудить.

Анна обернулась. Максим стоял возле входа в коридор, уже без пиджака, с ослабленным узлом тёмно-синего галстука, и выглядел так, как выглядел почти после каждого большого мероприятия: утомлённым, довольным собой и слегка отстранённым от всего, что происходило вокруг. В одной руке он держал телефон, другой перебирал манжету рубашки, проверяя запонку.

— Сейчас? — спросила она, хотя прекрасно услышала его. Анна посмотрела на часы ещё раз, потом на экран телефона, где осталось неп прочитанным сообщение от няни о том, что Соня поужинала и уже готовится ко сну. — Я обещала вернуться до одиннадцати.

— Десять минут ничего не изменят, — сказал Максим и, убрав телефон в карман брюк, направился к своему кабинету. Он не проверил, идёт ли она следом, поскольку за двадцать два года брака привык считать, что Анна всегда оказывается там, где нужна ему. — Оксана подождёт. Я предупредил её, что мы задержимся.

Анна снова посмотрела на его спину. Ей не понравилось, что Максим самостоятельно договорился с няней, даже не сообщив жене, однако раздражение было слишком мелким для этого вечера и быстро растворилось в усталости.

Возможно, он собирался поговорить о расширении бюро. Несколько недель Максим упоминал о необходимости открыть новое направление, и Анна уже подготовила предварительные расчёты, хотя знала, что муж представит их партнёрам как итог собственных размышлений. Быть может, он хотел обсудить выступление одного из гостей или предложить устроить семейный ужин без сотрудников, камер и бесконечных поздравлений.

Последняя мысль заставила её задержаться у двери кабинета. За весь вечер Максим ни разу не сказал ей ничего личного, но это ещё не означало, что он забыл: двадцать лет назад они подписали договор аренды своего первого помещения, а вечером сидели на полу среди коробок, пили дешёвое шампанское из пластиковых стаканчиков и спорили, чьё имя будет стоять первым на вывеске.

Анна уступила тогда. Она часто уступала в мелочах, потому что была уверена: люди, строящие одну жизнь, не обязаны каждый раз подсчитывать, кому досталось больше.

Кабинет Максима почти не изменился после праздника. На столе лежала папка с поздравительными адресами, возле окна стояли несколько дорогих бутылок, подаренных клиентами, а в хрустальном стакане у кресла таял лёд, оставляя прозрачные дорожки на стекле. Пахло мужским парфюмом, бумагой и сладковатым дымом свечей, которые зажигали в большом зале перед выносом торта.

Анна остановилась у стола, но садиться не стала. Максим закрыл дверь, затем прошёл к окну и опустил жалюзи, хотя на противоположной стороне улицы давно погасли почти все окна.

— Что случилось? — спросила она, наблюдая, как муж тщательно выравнивает нижнюю планку. Его движения были спокойными и точными, словно разговор действительно касался нового подразделения или перестановки сотрудников. — Только не говори, что ты решил прямо сейчас обсудить финансовый план на следующий год.

— Финансовый план подождёт, — ответил Максим, после чего вернулся к столу и достал из нижнего ящика тонкую серую папку. Он положил её перед Анной, аккуратно совместил край с краем столешницы и только потом поднял взгляд. — Сядь, пожалуйста.

Она посмотрела на папку. На обложке не было подписи, логотипа бюро или имени клиента, но внутри явно лежали документы: бумага оттягивала тонкий картон, а из верхнего края выступала синяя закладка.

— Я постою, — произнесла Анна, медленно снимая с плеча ремень сумки. Она положила её на соседнее кресло и снова посмотрела на Максима. — Говори.

Он не стал настаивать. Максим сел сам, сцепил пальцы на столе и на несколько мгновений опустил глаза, будто подбирал правильную формулировку, однако Анна слишком хорошо знала мужа и видела: нужные слова давно подобраны, несколько раз произнесены про себя и расставлены в том порядке, который он считал наиболее убедительным.

— Я хотел провести этот вечер спокойно, — начал Максим, разглаживая большим пальцем кожу возле обручального кольца. — Не хотел портить праздник ни тебе, ни сотрудникам. Они работали над ним почти месяц.

— Ты меня пугаешь, — сказала Анна, хотя страха пока не было. Скорее, появилось неприятное напряжение, похожее на холод от приоткрытого окна, которого не замечаешь, пока не начинают мёрзнуть пальцы. — Кто-то уходит? Возникли проблемы?

— Никаких проблем с бюро нет, — ответил он и слегка покачал головой. Максим произнёс это с такой уверенностью, словно прежде всего хотел успокоить именно себя. — Речь о нас.

Анна всё-таки села. Кресло оказалось ниже, чем она помнила, и теперь Максим находился немного выше неё, отделённый широким столом, папкой и двадцатью двумя годами совместной жизни, которые внезапно показались слишком большим сроком для вступления к одной короткой фразе.

— О нас? — переспросила она, положив руки на колени. Ладони были холодными, хотя в кабинете работало отопление, и Анна сжала пальцы, чтобы муж не увидел дрожь. — Что именно о нас?

Максим вздохнул, но в этом вздохе не было ни растерянности, ни боли. Так он дышал перед неприятным разговором с сотрудником, которого собирался лишить премии, или с клиентом, которому предстояло услышать, что желаемого результата не будет.

— Наш брак давно закончился, — сказал он, глядя Анне прямо в лицо. Затем муж немного подался вперёд и заговорил мягче, словно первая фраза была лекарством, которое следовало быстро проглотить, а теперь можно предложить воды. — Мы оба это понимаем. Просто до сих пор не решались произнести вслух.

В кабинете за стеной продолжала играть музыка. Через закрытую дверь доносился приглушённый женский голос, повторявший припев старой песни, под которую они с Максимом когда-то танцевали на свадьбе, хотя Анна не была уверена, что воспоминание настоящее, а не придумано мозгом ради особенно жестокой насмешки.

Она смотрела на мужа и ждала продолжения. Смысл сказанного достиг слуха, прошёл куда-то внутрь, но там словно не нашёл подходящего места и остался лежать тяжёлым, пока ещё безымянным предметом.

— Прости, я не поняла, — произнесла Анна, и собственный голос показался ей чужим. Он прозвучал слишком тихо для женщины, которой только что сообщили о завершении двадцатидвухлетнего брака. — Что значит «закончился»?

— Именно то и значит, — ответил Максим. Он на мгновение отвёл взгляд, но не от стыда, а потому, что проверил положение папки и снова поправил её край. — Между нами давно нет настоящих отношений. Есть дети, общая работа, дом, обязательства. Есть привычка. Но мужа и жены в том смысле, который мы когда-то вкладывали в эти слова, уже нет.

Анна продолжала смотреть на его руки. Кольцо находилось на месте, золотое, слегка потёртое с внутренней стороны, и Максим всё ещё касался его пальцем, как человек, проверяющий, не натёр ли ремешок часов кожу.

— Когда именно это произошло? — спросила она и заставила себя поднять взгляд. — Вчера, на прошлой неделе или несколько лет назад? Я хочу понять, с какого дня мне следовало догадаться, что мой брак закончился.

— Не нужно превращать разговор в допрос, — сказал Максим, едва заметно нахмурившись. Его раздражила не сама реплика, а тон Анны, в котором впервые появилась твёрдость. — Такие вещи не происходят в один день. Люди постепенно отдаляются, и мы с тобой тоже отдалились.

— Я не отдалялась, — ответила она, чувствуя, как холод поднимается от ладоней к локтям. Анна распрямила пальцы и положила их на край стола, чтобы удержаться за гладкую поверхность. — Я сегодня стояла рядом с тобой перед сотней людей. Мы говорили о следующих двадцати годах.

— Мы говорили о бюро, — поправил Максим, и эта короткая оговорка прозвучала гораздо страшнее всего остального. Он слегка наклонил голову, будто удивлялся тому, что

жена могла перепутать их общее дело с общей жизнью. — Профессиональные планы не обязаны исчезать из-за личных изменений.

Анна почувствовала, как в груди стало тесно. Она вдохнула глубже, но воздух не помог, потому что дело было не в нём: что-то внутри сжималось, пытаясь защититься от смысла, который Максим подавал спокойными, ровными порциями.

— Личные изменения, — повторила она и медленно кивнула. Слова были аккуратными, почти безобидными, как подписи на коробках при переезде: посуда, книги, одежда, двадцать два года брака. — Ты решил развестись.

— Я считаю, что это будет правильно для нас обоих, — сказал Максим и положил ладонь на серую папку. Он не ответил простым «да», поскольку всегда предпочитал формулировки, в которых решение одного человека становилось общей необходимостью. — Мы можем сделать всё спокойно, без унижения, скандалов и взаимного уничтожения.

Анна посмотрела на его руку. Ногти были коротко подстрижены, на запястье поблёскивали часы, подаренные ею на пятидесятилетие его отца, и сейчас эта знакомая рука лежала на документах так уверенно, словно Максим уже много раз представлял себе именно этот момент.

Она протянула пальцы к папке, но не открыла её. Бумага под ладонью была прохладной.

— Ты подготовил соглашение, — произнесла Анна, и на этот раз это был не вопрос. Она почувствовала, как окончательно немеют кончики пальцев. — Ты позвал меня в кабинет после нашего праздника и положил передо мной готовое соглашение о разводе.

— Я хотел избавить нас от лишней неопределённости, — ответил Максим. Он произнёс это с лёгким облегчением человека, наконец добравшегося до практической части разговора. — Там нет ничего несправедливого. Я постарался учесть твои интересы.

Анна открыла папку. На первой странице стояли их полные имена, адрес, дата заключения брака и несколько ровных абзацев, превращавших всю её жизнь в последовательность условий, обязанностей и согласованных решений.

Она увидела свою фамилию, но не сразу узнала её. Лебедева Анна Викторовна выглядела на бумаге человеком, уже отделённым от Максима, почти посторонней женщиной, которой предлагали внимательно ознакомиться и поставить подпись в отмеченном месте.

— Как давно это готово? — спросила Анна, не переворачивая страницу. Буквы расплывались, поэтому она подняла глаза и обнаружила, что муж смотрит на неё с терпеливым ожиданием. — Неделю? Месяц?

— Первые варианты появились весной, — ответил Максим после короткой паузы. Он понял, что скрывать срок бессмысленно, но всё равно выбрал формулировку, позволяющую отдалить себя от собственного поступка: не он подготовил документы, а варианты каким-то образом появились. — Я несколько раз всё пересматривал. Не хотел принимать решение поспешно.

Весной. Анна вспомнила, как в апреле Максим подарил ей билеты на концерт и потом извинился, что не сможет пойти из-за срочной встречи. Она отправилась с подругой, а муж вернулся далеко за полночь и лёг рядом, пахнувший душем и новым парфюмом, который, как он сказал, тестировали в одном из магазинов возле ресторана.

В мае они отмечали день рождения Сони. Максим держал дочь на плечах, пока Анна разрезала торт, а вечером долго целовал жену на кухне, прижав её к столешнице, и она ещё подумала, что усталость последних месяцев наконец отступила.

В июне они ездили за город. В июле выбирали мебель в новую переговорную. В августе Максим лежал рядом с ней в постели и обсуждал, куда отправить Соню на зимние каникулы.

Всё это время существовали варианты соглашения.

— У тебя другая женщина, — произнесла Анна. Она поняла это не потому, что Максим признался, а потому, что без другой женщины невозможно было так долго, спокойно и последовательно строить новую жизнь. — Поэтому ты всё подготовил заранее.

Он впервые заметно напрягся. Пальцы разомкнулись, и Максим откинулся на спинку кресла, словно хотел увеличить расстояние между собой и вопросом.

— Да, — сказал он, не пытаясь отрицать очевидное. Затем муж медленно снял кольцо, pokrutil его между пальцами и положил рядом с папкой. — Есть другая женщина.

Анна смотрела на обручальное кольцо. На коже Максима осталась светлая полоска, слишком ровная и чистая, как след от вещи, которую носили долго, но уже решили снять.

— Давно? — спросила она, хотя ответ был не нужен. Любой срок оказался бы либо слишком коротким для подготовленных документов, либо слишком длинным для человека, который вечером стоял рядом с женой под аплодисменты сотрудников. — Сколько?

— Полтора года, — произнёс Максим. Он сказал это тише, но голос не дрогнул, и Анна поняла, что муж давно привык к этой цифре. — Чуть больше полутора лет.

Музыка за дверью закончилась. На несколько секунд помещение погрузилось в тишину, после чего началась следующая композиция, уже незнакомая Анне, и эта случайная смена показалась ей особенно правильной: одна песня закончилась, другая началась, никто не обязан спрашивать разрешения у той, которую перестали слушать.

— Полтора года, — повторила она, и язык едва послушался. Анна провела ладонью по столу, словно искала на гладком дереве что-нибудь острое, способное вернуть ей ощущение собственного тела. — Ты полтора года спал с другой женщиной, а сегодня поднял бокал за нашу семью.

— Я поднял бокал за наше общее дело, — снова поправил Максим, теперь уже с раздражением. Он быстро вернул кольцо на палец, будто понял, что снял его слишком рано и жест получился театральным. — И я не хочу обсуждать интимные подробности. Это ничего не изменит.

— Для тебя, возможно, ничего, — ответила Анна. Её голос становился твёрже по мере того, как разрушалось всё остальное. — А я хочу понимать, сколько времени жила рядом с человеком, который приходил от другой женщины и ложился в мою постель.

Максим сжал губы. Он не любил грубых формулировок, особенно когда грубость вынуждала его поступки из красивой упаковки и показывала такими, какими они были.

— Я не собираюсь оправдываться, — сказал он, после чего положил обе ладони на стол и немного подался вперёд. В его взгляде появилась та спокойная твёрдость, с которой он обычно пресекал эмоциональные выступления клиентов. — Между нами всё закончилось задолго до того, как появилась она. Я не разрушал счастливый брак, Анна. Счастливого брака уже не было.

— Я об этом не знала, — произнесла она и усмехнулась, хотя смешного не было. Улыбка получилась болезненной, губы сразу задрожали, и Анна прикусила их изнутри. — Наверное, для счастливого брака это серьёзный недостаток. Один из супругов может не догадываться, что несчастлив.

— Ты знала, — ответил Максим почти мягко. Он слегка покачал головой, как человек, который вынужден напоминать собеседнице очевидное. — Просто тебе было удобно ничего не замечать. Работа, Соня, дом, расписание — всё функционировало. Ты всегда ценила порядок больше чувств.

Анна хотела возразить, но слова застряли. Максим не просто признавался в измене; он уже подготовил объяснение, согласно которому жена сама выбрала не замечать предательство, потому что так было удобнее.

Она вдруг вспомнила Валерию.

Молодая женщина появилась в бюро два года назад на одном из открытых мероприятий. Невысокая, светловолосая, с внимательными серыми глазами и привычкой чуть склонять голову, когда собеседник говорил, Валерия работала с детьми, пережившими тяжёлые семейные конфликты, и несколько раз участвовала в проектах Максима как приглашённый специалист.

Анна видела её на конференциях, в коридоре, за общим столом после съёмок. Валерия всегда здоровалась первой, говорила спокойно и смотрела на Анну с тем уважением, которое молодые сотрудники часто изображают рядом с женой известного человека.

Однажды она принесла Соне набор цветных карандашей. Сказала, что Максим упоминал увлечение дочери рисованием.

Тогда Анна поблагодарила её.

— Валерия, — произнесла она, и имя вышло само, раньше вопроса. Анна подняла взгляд на мужа и увидела короткую паузу, которой оказалось достаточно. — Это Валерия Орлова.

Максим не ответил сразу. Он провёл большим пальцем по краю кольца, затем опустил руку под стол и наконец кивнул.

— Да, — сказал он, стараясь сохранить прежний тон. В его голосе появилось что-то похожее на осторожность, но не перед болью жены, а перед возможной сценой. — Валерия.

Анна увидела её лицо так ясно, словно молодая женщина находилась сейчас в кабинете. Светлые волосы, спокойная улыбка, серые глаза и тонкие пальцы, протягивающие коробку с карандашами для Сони.

— Она была здесь сегодня? — спросила Анна. Слова царапнули горло, и ей пришлось сглотнуть, прежде чем продолжить. — На празднике?

— Нет, — ответил Максим слишком быстро. Потом он нахмурился, словно вопрос показался ему нелепым. — Я не счёл это уместным.

— Как благородно, — произнесла Анна, откинувшись на спинку кресла. Теперь ей хотелось смеяться, но смех мог превратиться в плач, а плакать перед Максимом она не собиралась. — Полтора года изменять жене уместно, привести любовницу на двадцатилетие общего дела — уже перебор.

— Не называй её так, — сказал Максим, и в первый момент Анна даже не поняла, что именно его задело. Он выпрямился, положил ладонь на папку и посмотрел на неё с холодным неодобрением. — Валерия не случайная связь и не любовница в том примитивном смысле, который ты пытаешься вложить в это слово. Я люблю её.

Вот теперь стало по-настоящему больно.

Не известие о другой женщине, не полтора года лжи и даже не папка с подготовленными бумагами, а то, как Максим произнёс слово «люблю». Спокойно, уверенно, без неловкости, словно имел право принести это чувство в кабинет и положить рядом с соглашением, ожидая от Анны уважения к его честности.

Она двадцать два года не слышала от него этого слова таким голосом.

— Ты любишь её, — сказала Анна, и собственная грудь отозвалась тупой болью. Она медленно провела пальцами по ключице, будто могла нащупать там место, куда вошли его слова. — А меня, получается, давно нет.

— Ты есть, — ответил Максим и чуть смягчил выражение лица. Возможно, ему показалось, что они наконец приблизились к разумному обсуждению. — Ты мать моих детей, мой партнёр, самый близкий человек, с которым связана большая часть жизни. Но это не любовь мужчины к женщине. Думаю, ты и сама давно не любишь меня так, как раньше.

Анна посмотрела на него и внезапно поняла, что Максим действительно верит в сказанное. Он не чувствовал себя человеком, который обманул жену, потому что заранее лишил её любви от собственного имени и теперь мог утверждать, что предал лишь пустую форму.

— Не говори мне, что я чувствую, — произнесла она, наклонившись вперёд. Пальцы сжались на краю стола, и ногти больно впились в ладони. — Ты можешь сообщить, что разлюбил. Можешь признаться, что полтора года лгал. Но не смей объяснять мне, что я тоже тебя не любила, только потому, что так тебе легче.

Максим замолчал. В его глазах на мгновение появилось раздражение, и Анна почувствовала странное удовлетворение: впервые за этот разговор муж перестал выглядеть человеком, полностью контролирующим происходящее.

— Хорошо, — сказал он спустя несколько секунд, хотя интонация выдавала, что ничего хорошего он не видит. Максим отодвинул папку ближе к Анне и раскрыл её на странице с синей закладкой. — Давай не будем спорить о чувствах. Нам нужно решить, как жить дальше.

— Ты уже решил, — ответила она. Анна посмотрела на открытый документ, но читать не стала, потому что теперь понимала: каждая строка была написана человеком, который полтора года готовился начать новую жизнь, пока она готовила ему выступления, выбирала подарки сотрудникам и верила, что их брак переживает обычную усталость. — Ты не пришёл обсуждать. Ты пришёл сообщить условия.

— Я пришёл предложить разумный вариант, — возразил Максим, указав на страницу. Его голос стал деловым, и эта перемена была почти непристойной. — Квартира останется тебе. Загородный дом можно будет продать и разделить стоимость. Твоя доля в бюро сохраняется, но я предлагаю постепенно вывести нас из совместного управления, чтобы личный конфликт не повлиял на работу.

— При этом я продолжу работать, — сказала Анна, быстро пробежав взглядом несколько строк. Там действительно упоминалась возможность её дальнейшего участия в проектах. — Создавать материалы, готовить стратегии, вести сотрудников. Всё то, что я делаю сейчас.

— Если ты захочешь, — ответил Максим и слегка развёл руками. Он выглядел почти великодушным. — Никто не собирается выталкивать тебя из дела, которое мы строили вместе.

— Мы строили вместе, — повторила Анна, задержав взгляд на муже. — Но лицо у него твоё, фамилия твоя и теперь, видимо, новая женщина тоже будет стоять рядом с тобой на мероприятиях. Мне оставят внутреннюю работу, потому что я хорошо её выполняю.

— Не передёргивай, — сказал Максим, и его терпение впервые дало заметную трещину. Он постучал пальцем по документу, словно возвращал собеседницу к существу вопроса. — Я предлагаю тебе финансовую независимость, квартиру и возможность сохранить привычную профессиональную жизнь. Многие люди после развода не получают и половины этого.

— Ты отдаёшь мне не милостыню, — ответила Анна, чувствуя, как кровь наконец начинает возвращаться в онемевшие пальцы. Вместе с теплом пришла злость — ещё слабая, почти бесформенная, но живая. — Квартира принадлежит нам обоим. Бюро принадлежит нам обоим. Ты предлагаешь оставить мне часть того, что я создавала двадцать лет, и ждёшь благодарности.

Максим тяжело выдохнул. Он поднялся, подошёл к шкафу и налил себе воды, хотя до этого не притрагивался к стакану.

— Я ничего не жду, кроме нормального разговора, — произнёс он, не оборачиваясь. Вода тонкой струёй ударила в стекло, и этот звук казался слишком громким в наступившей тишине. — Мы взрослые люди, Анна. У нас дети, сотрудники, репутация. Я не хочу превращать это в войну.

— Дети, — повторила она, и сердце вдруг ударило сильнее. До этого момента в разговоре существовали только она, Максим, Валерия и папка, но одно слово разом открыло другую, гораздо более страшную дверь. — Что будет с Соней?

Максим выключил воду. Несколько секунд он стоял спиной, держа стакан, после чего медленно повернулся.

Анна увидела ответ ещё до того, как он заговорил. Увидела в том, как муж поставил стакан на полку, вытер каплю с пальца и вернулся к столу. Он готовился к этой части особенно тщательно.

— Я считаю, что Соня должна жить со мной, — сказал Максим и снова сел. Теперь его голос был мягким, почти сочувственным, будто он понимал, насколько тяжело женщине услы-

шать разумное, но неприятное решение. — Разумеется, ты будешь видеть её столько, сколько захочешь. Я не собираюсь лишать дочь матери.

Анна не сразу поняла смысл слов. Внутри всё остановилось, а затем сердце толкнулось так сильно, что боль отдалась в горле.

— Повтори, — попросила она, и голос сорвался. Анна кашлянула, прижала ладонь к груди и заставила себя посмотреть прямо на Максима. — Ты сказал, что Соня будет жить с тобой.

— Это наиболее стабильный вариант, — ответил он, хотя она просила повторить не объяснение. Максим заговорил медленнее, словно обращался к человеку, которому трудно воспринимать сложные мысли. — Ей восемь лет, она привыкла к дому, школе, своему распорядку. Я останусь в этой части города и смогу сохранить всё без резких перемен.

— А я куда денусь? — спросила Анна. На этот раз в голосе появился смех, короткий и страшный, потому что иначе она могла закричать. — Ты только что предложил оставить мне квартиру.

— Это другая квартира, — сказал Максим, нахмурившись. Он перевернул несколько страниц и указал на нужный пункт, будто бумага могла сделать его слова менее чудовищными. — Я говорю о квартире твоей матери. Ты всё равно собиралась привести её в порядок после вступления в наследство. Она просторная, недалеко отсюда и полностью принадлежит тебе.

Анна смотрела на мужа и чувствовала, как комната медленно меняет форму. Стол стал слишком широким, стены приблизились, свет от лампы побелел, а лицо Максима потеряло знакомые черты, хотя каждая из них оставалась на месте.

Он всё продумал. Даже смерть её матери заняла своё место в его плане.

— Ты хочешь оставить наш дом себе, — произнесла Анна, с трудом выговаривая каждое слово. — Вместе с Соней. А меня переселить в мамину квартиру.

— Не переселить, — поправил Максим. Он говорил всё тем же терпеливым голосом, и Анне захотелось ударить его именно за эту интонацию. — Мы оба будем менять жизнь. Не нужно изображать, будто ты одна чем-то жертвуешь.

— Ты переедешь к Валерии? — спросила она, не отводя от него глаз. Ответ уже существовал, но Анна хотела услышать его вслух, заставить мужа произнести до конца весь план, который он принёс ей в серой папке. — Или Валерия переедет сюда?

Максим помолчал. Затем он сложил руки и заговорил осторожнее.

— Со временем Валерия, вероятно, будет жить со мной, — ответил он, стараясь не смотреть на кольцо. — Но не сразу. Соне понадобится период адаптации.

Период адаптации. Анна представила, как молодая женщина заходит в их спальню, открывает шкаф, убирает её вещи, выбирает полотенце и ставит на полку свою косметику. Потом идёт в детскую, садится на край кровати и объясняет Соне правильными, спокойными словами, что мама будет приходить в гости, а жить здесь теперь станет другая женщина.

В груди снова стало тесно, но на этот раз воздух вырвался наружу резким выдохом.

— Ты хочешь отдать моё место своей любовнице, — сказала Анна. Её ладони лежали на столе, пальцы дрожали, но прятать дрожь больше не имело смысла. — Мою комнату, мой дом и мою дочь.

— Никто не отнимает у тебя дочь, — ответил Максим, впервые повысив голос. Он тут же взял себя в руки и продолжил спокойнее, однако во взгляде осталось раздражение. — Не используй такие формулировки. Речь идёт о том, где Соне будет лучше жить.

— И ты уже решил, что лучше ей будет с женщиной, которая полтора года спит с её отцом, — произнесла Анна, чувствуя, как злость начинает вытеснять оцепенение. Она выпрямилась в кресле, и теперь их лица оказались почти на одном уровне. — Валерия вообще знает, что ты собираешься подарить ей моего ребёнка вместе с домом?

— Валерия никого не собирается заменять, — сказал Максим, но слишком быстро, поэтому слова прозвучали заученно. Он провёл ладонью по лицу, как будто разговор наконец начал утомлять его. — Она умеет работать с детьми, спокойна, терпелива и хорошо понимает возраст Сони. Рядом с ней дочери будет комфортно.

Анна почувствовала, что внутри неё что-то оборвалось. Не громко, не с болью — скорее, исчезло последнее крепление, удерживавшее привычное представление о муже.

— Ты обсуждал мою дочь с Валерией, — сказала она. Теперь каждое слово становилось холодным и ясным. — Вы вдвоём решали, как ей будет комфортно после того, как уберёте меня из дома.

— Мы обсуждали будущее, — ответил Максим, не заметив или не захотев заметить разницы. — И да, разумеется, я говорил с женщиной, с которой собираюсь жить. Было бы безответственно этого не делать.

— Безответственно, — повторила Анна и медленно прикрыла глаза. За веками вспыхнуло лицо Сони: растрёпанные волосы, щель между передними зубами, серьёзный взгляд, когда она рисовала, и маленькая ладонь, которую девочка всё ещё вкладывала в материнскую руку, переходя дорогу. — А почему, по-твоему, я не могу жить с собственной дочерью?

Максим снова вздохнул. Он выглядел человеком, которого наконец вынудили произнести неприятную правду, хотя он до последнего пытался быть бережным.

— Ты очень занята, — начал он, осторожно подбирая слова. — У тебя постоянные встречи, ты работаешь дома по вечерам, часто устаёшь и становишься раздражительной. Последний год был для тебя особенно тяжёлым.

— Из-за смерти мамы, — сказала Анна, открывая глаза. Она увидела, как едва заметно напряглась челюсть мужа, и поняла, что угадала следующий пункт. — Ты решил использовать смерть моей матери.

— Я ничего не использую, — возразил Максим, но теперь в его голосе не осталось мягкости. — Я говорю о реальности. После её смерти ты несколько месяцев почти не спала, плакала, принимала успокоительные. Соня видела твоё состояние.

— Потому что умерла моя мать, — произнесла Анна, и голос снова дрогнул, на этот раз от боли, которая была старше сегодняшнего вечера. Она вспомнила больничный коридор, холодные руки матери и Максима, приехавшего только к утру, потому что вечером у него была важная встреча. — Люди иногда плачут, когда умирают их родители.

— Конечно, — сказал он, кивнув с видом бесконечно понимающего человека. — Я не осуждаю тебя. Но Соня нуждается в устойчивой обстановке, а ты до сих пор не восстановилась полностью.

Анна смотрела на него и постепенно начинала понимать масштаб подготовки. Максим не просто запомнил её слабость. Он взял месяцы горя, бессонные ночи и таблетки, которые сам приносил ей из аптеки, и превратил в объяснение, почему мать должна отдать ребёнка.

— Молодая, спокойная женщина, — тихо произнесла она, вспоминая его слова. — Ты действительно хотел сказать именно это. Соне нужна женщина моложе меня.

— Я сказал не только о возрасте, — ответил Максим, но слишком поздно. Он понял ошибку и попытался исправить её привычным разумным тоном. — Валерия располагает временем, у неё профессиональный опыт, она умеет выстраивать доверие с детьми. Ты прекрасный специалист, Анна, но Соня не работа и не проект.

Удар оказался точным. Максим знал, куда бить, потому что двадцать два года находился рядом и видел все места, где она сама сомневалась в себе.

Анна вспомнила пропущенный школьный праздник Ильи, ночные сообщения, которые читала во время семейного ужина, Сонину обиду, когда мама снова не смогла забрать её с танцев. Воспоминания поднялись разом, но теперь за каждым стоял Максим, свободный и внимательный отец, потому что кто-то другой оставался работать.

— Ты был рядом с детьми, пока я делала твою работу, — сказала она. Слова вышли медленно, но в них уже не было растерянности. — Я оставалась здесь, чтобы ты мог ездить на соревнования Ильи. Я готовила твои материалы, пока ты забирал Соню. Ты получал их любовь за время, которое покупал моей усталостью.

— Вот именно это я и имею в виду, — ответил Максим, и в его голос вернулось мягкое сожаление. Он словно не услышал обвинения, а увидел очередное доказательство своей правоты. — Ты всегда выбирала работу. Даже сейчас первым делом пытаешься посчитать, кто сделал больше.

Анна резко поднялась. Кресло отлетело назад и ударилось о стену, но она почти не услышала звук.

— Я не подпишу это, — сказала она, закрывая папку обеими руками. Пальцы наконец перестали дрожать, потому что злость удерживала их лучше любой воли. — Ни сегодня, ни завтра. И Соню ты у меня не заберёшь.

Максим не встал. Он посмотрел на опрокинутое кресло, затем перевёл взгляд на Анну, и выражение его лица изменилось: терпение осталось, но теперь к нему примешалось холодное удовлетворение человека, получившего ожидаемую реакцию.

— Ты видишь, как себя ведёшь? — спросил он негромко. Максим указал на кресло и покачал головой, словно ему было искренне жаль жену. — Я пытался поговорить спокойно, но ты сразу начала кричать, обвинять и швырять мебель.

— Я не швыряла мебель, — ответила Анна. Она услышала собственные слова и поняла, насколько жалко звучит попытка оправдаться за упавшее кресло перед человеком, который полтора года изменял ей и собирался забрать дочь. — Ты сказал, что моя реакция на твоё предательство доказывает мою нестабильность.

— Я сказал, что последние месяцы ты слишком остро реагируешь на стресс, — поправил Максим. Он поднялся, обошёл стол и поставил кресло на место, после чего заботливо придвинул его к жене. — Сядь. Тебе нужно успокоиться.

Анна отступила так быстро, словно он протянул к ней не руку, а что-то грязное. Максим остановился, и на его лице мелькнула короткая обида, будто жена действительно отвергла помощь.

— Не прикасайся ко мне, — произнесла она, прижимая ладонь к животу. Тошнота поднималась к горлу, но Анна заставила себя дышать медленно. — И не говори, что мне нужно делать.

— Я не враг тебе, — сказал Максим, опуская руку. Теперь он выглядел усталым и разочарованным. — Я понимаю, что сегодня ты ничего не подпишешь. Возьми документы домой, прочитай, поговори с кем-нибудь, кому доверяешь. Через несколько дней ты увидишь, что условия действительно справедливые.

— Ты полтора года готовился, — ответила Анна, застёгивая сумку. Ремень никак не попадал в пряжку, и ей пришлось дважды провести пальцами по гладкой коже. — А мне предлагаешь несколько дней, чтобы привыкнуть к тому, что у моего мужа новая женщина и он собирается отдать ей место рядом с моей дочерью.

— Никто никому ничего не отдаёт, — повторил Максим, но теперь его голос звучал жёстче. — И, пожалуйста, не начинай говорить с Соней сегодня. Она ребёнок, Анна. Не нужно вываливать на неё взрослые обиды.

Анна замерла. Ещё одна подготовленная фраза, ещё один приказ, который он произносил так, словно уже обладал особым правом решать, что жена может сказать собственной дочери.

— А ты с ней уже говорил? — спросила она, медленно поворачиваясь. — Соня знает о Валерии?

Максим отвёл взгляд всего на мгновение. Потом снова посмотрел прямо, но этого мгновения было достаточно, чтобы Анна почувствовала новый холод.

— Она знает Валерию как мою знакомую, — ответил он осторожно. — Несколько раз они виделись. В этом нет ничего страшного.

— Сколько раз? — спросила Анна, и голос снова стал тихим. Она шагнула к мужу, но теперь он сам немного отступил к столу. — Где они виделись?

— Мы поговорим об этом позже, — сказал Максим. Он положил ладонь на серую папку, словно собирался вернуть разговор к документам. — Сейчас ты не в состоянии воспринимать информацию спокойно.

Анна смотрела на него несколько секунд. Ей хотелось схватить папку и ударить Максима по лицу, хотелось вырвать из него каждое имя, дату и место, заставить рассказать, когда Валерия впервые заговорила с Соней, что подарила, куда они ездили и кем представил её отец.

Но Максим ждал именно взрыва. Ждал, чтобы снова посмотреть на опрокинутое кресло и тихо сказать, что мать слишком эмоциональна.

Анна выпрямилась. Она взяла со стола телефон, сумку и пальто, которое оставила на спинке другого кресла.

— Я прочитаю твои бумаги, — произнесла она, хотя брать папку не стала. Анна посмотрела на мужа, медленно застёгивая пальто. — Но это не означает, что я соглашусь хотя бы с одним словом.

— Я понимаю, — ответил Максим и кивнул. На его лице появилось осторожное облегчение, потому что разговор наконец возвращался в рамки, которые он считал приемлемыми. — Поезжай домой. Не садись за руль, если не уверена, что сможешь вести.

— Двадцать два года я жила рядом с тобой и каким-то образом выжила, — сказала Анна, поправляя воротник. Злость придала голосу спокойствие, которого она не чувствовала. — Думаю, с дорогой я справлюсь.

Максим сжал губы, но не ответил. Анна открыла дверь, вышла в коридор и услышала, как за её спиной муж тяжело вздохнул, словно именно ему пришлось пережить неприятный, изматывающий вечер.

Большой зал встретил её золотыми шарами и запахом увядших цветов. Музыка всё ещё играла, хотя слушать её было некому, а на экране сменялись фотографии: Максим у микрофона, Максим с наградой, Максим возле новой вывески и Анна рядом, всегда рядом, но немного сбоку.

Она остановилась перед одним кадром. Им было по двадцать пять, они сидели на полу первого офиса, держали пластиковые стаканчики и смеялись, запрокинув головы.

Анна попыталась вспомнить, что сказал Максим перед фотографией, но память сохранила только его руку у неё на плече и ощущение абсолютной уверенности: этот мужчина останется рядом навсегда.

Теперь он собирался оставить себе всё, что стояло за снимком. Даже ребёнка.

По дороге домой Анна несколько раз пропускала нужные повороты. Город за лобовым стеклом расплывался пятнами света, светофоры меняли цвета слишком медленно, а знакомые улицы казались декорациями, поставленными вокруг чужой жизни.

Она не плакала. Слезы стояли где-то глубоко, за тяжёлым оцепенением, и Анна боялась, что, если позволит им выйти, машина остановится посреди дороги, а сама она больше не сможет сделать ни одного движения.

Максим любит Валерию.

Полтора года.

Соня должна жить с ним.

Каждая мысль возвращалась отдельным ударом, но самым страшным было не настоящее. Анна снова и снова представляла прошлое, пытаясь найти точку, в которой муж перестал быть её мужем, а она не заметила.

Валерия на конференции улыбнулась и принесла Соне карандаши. Максим сказал, что молодая коллега очень талантлива. Анна предложила пригласить её на один из общих проектов.

Быть может, именно после этого они и начали встречаться. Быть может, связь существовала уже тогда, а Анна собственными руками открыла любовнице дверь в их жизнь.

У подъезда она долго сидела в машине, не выключая двигатель. На верхних этажах горели окна, и за каждым существовали обычные вечера: кто-то укладывал детей, кто-то ругался из-за немытой посуды, кто-то смотрел сериал, не подозревая, что через час привычный мир может исчезнуть из-за одной серой папки.

Телефон завибрировал. Максим прислал короткое сообщение: «Я останусь в офисе. Тебе нужно побыть одной и успокоиться».

Анна прочитала его дважды. Даже сейчас муж решал, что ей нужно, и благородно предоставлял пространство, словно собственное отсутствие было подарком.

Она выключила телефон и вышла из машины.

Оксана ждала в прихожей, уже одетая, с сумкой на плече. Молодая няня выглядела сонной и немного виноватой, будто задержалась по собственной инициативе.

— Анна Викторовна, Соня легла, но ещё не спит, — сказала она, торопливо натягивая перчатки. Девушка посмотрела за спину хозяйки, ожидая увидеть Максима, однако подъездная площадка оставалась пустой. — Максим Сергеевич написал, что вы оба задержитесь. Всё хорошо?

— Да, — ответила Анна слишком быстро. Она сняла пальто, повесила его на крючок и заставила себя улыбнуться. — Просто устали. Спасибо, что подождала.

Оксана кивнула, пожелала доброй ночи и ушла. Дверь закрылась, после чего квартира наполнилась знакомой тишиной: гудел холодильник, едва слышно работал телевизор в спальне, а из детской пробивалась узкая полоска света.

Анна сняла туфли. Ноги болели после длинного вечера, но боль казалась почти приятной, потому что принадлежала телу и имела понятную причину.

Она прошла по коридору, касаясь пальцами стены. Здесь висели семейные фотографии, которые не попали в юбилейную подборку: Илья с разбитой коленкой, Соня в первый день школы, Максим на море, Анна с матерью за несколько месяцев до её смерти.

Возле спальни она остановилась. Дверь была приоткрыта, внутри горела лампа на тумбочке, а на кресле лежал домашний халат Максима.

Его вещи ещё находились здесь. Рубашки висели в шкафу, часы лежали на полке, зарядное устройство тянулось к его стороне кровати, словно всё сказанное в кабинете относилось не к настоящей жизни, а к документу, который можно закрыть и забыть.

Анна не вошла. Она направилась к детской, собираясь поцеловать Соню, убедиться, что дочь рядом, тёплая и настоящая, а потом закрыться в ванной и наконец позволить себе плакать.

Из комнаты доносились голоса.

Сначала Анна решила, что Соня смотрит мультфильм. Потом услышала смех дочери и остановилась у двери.

— Нет, он не догадается, — шептала Соня, стараясь говорить тише. Девочка лежала в кровати, укрытая одеялом до подбородка, а перед ней на подушке светился планшет. — Папа сказал, что сегодня у них важный праздник.

С экрана ответил женский голос. Спокойный, мягкий, с той особой доброжелательностью, которую Анна уже слышала на рабочих встречах и однажды приняла за профессиональную привычку.

— Тогда тебе давно пора спать, — сказала Валерия. Она рассмеялась негромко, будто делила с ребёнком маленький добрый секрет. — А то завтра будешь ворчать, что опять не выпалась.

Анна прижала ладонь к дверному косяку. Под пальцами ощущалась прохладная краска, и это прикосновение было единственным, что удерживало её на ногах.

Соня повернулась на бок, отчего изображение на экране качнулось. На короткое мгновение Анна увидела светлые волосы Валерии, угол комнаты и знакомую улыбку.

— Лера, а когда папа уже расскажет маме, что мы скоро будем чаще видеться? — спросила Соня, широко зевнув. Девочка говорила без страха и чувства вины, потому что для неё происходящее давно стало частью обычной жизни. — Он обещал после праздника. Уже же после праздника, да?

Валерия замолчала. Её лицо на экране стало серьёзнее, но Соня не заметила перемены и продолжала ждать ответа.

Анна стояла за приоткрытой дверью и смотрела на собственную дочь. Максим не просто собирался привести другую женщину в их дом когда-нибудь потом.

Он уже привёл её.

И Соня ждала только того дня, когда мать наконец узнает, что в её семье давно освободили место для новой женщины.

Глава 2. Лера, о которой мама всё знает

Утро вошло в квартиру не солнечным светом, а звуком открывающегося замка. Анна лежала на своей половине кровати поверх покрывала, всё ещё в тонкой домашней кофте, которую надела после душа, и смотрела на потолок, когда в прихожей повернулся ключ, тихо стукнула дверь и знакомые шаги прошли по коридору с той осторожностью, какую Максим обычно проявлял, возвращаясь поздно и не желая будить домашних.

Спать она даже не пыталась. После разговора в детской Анна успела закрыться в ванной, несколько минут просидела на краю ванны, зажав рот ладонью, но слёзы так и не пришли, словно всё внутри оказалось слишком потрясено для обычного человеческого плача. Потом она вернулась к Соне, дождалась, пока дочь закончит разговор с Валерией, вошла в комнату с улыбкой и поцеловала девочку перед сном, не задав ни одного вопроса, потому что боялась услышать ещё хоть одно слово, подготовленное для неё Максимом.

Соня ничего не заметила. Она привычно обняла мать за шею, пожаловалась, что Оксана не разрешила ей съесть второй кусок юбилейного торта, и попросила утром заплести две косы, потому что в школе у них будет фотографирование. Всё было как всегда, и именно это оказалось хуже всего: дочь прижималась к ней тёплой щекой, пахла детским шампунем и считала, что мама знает о Лере, просто не хочет говорить о ней после смерти бабушки.

Анна всю ночь перебирала последние месяцы. Она вспоминала короткие упоминания о папиной знакомой, сообщения Максима о том, что они с Соней задержатся после школы, фотографии чашек с какао, присланные дочерью из кафе, рассказы о катке и смешной женщине, которая упала возле бортика. Имя Лера действительно звучало, но всегда между десятками других имён: учительница Лариса Петровна, одноклассница Вика, папин водитель Артём, женщина из кофейни, умеющая рисовать сердечки на пенке.

Максим никогда не скрывал, куда едет с дочерью. Он, напротив, сообщал об этом так подробно и уверенно, что у Анны не возникало желания проверять: забрал Соню из школы, отвёз перекусить, потом они были в торговом центре, выбирали подарок однокласснице, вернутся к восьми. Иногда в его рассказах появлялась «наша знакомая Лера», но Анна принимала её за человека, случайно присоединившегося к отцу и ребёнку после работы.

Она видела Валерию в бюро. Молодая женщина не пряталась, не шарахалась от законной жены и даже однажды принесла Соне карандаши, поэтому заподозрить в ней тайную любовницу было всё равно что заподозрить пожар в лампе, которая каждый вечер спокойно горит на твоём столе. Теперь Анна понимала, насколько удобно открытая ложь притворялась правдой: Максим не прятал Валерию полностью, а оставлял на виду ровно столько, чтобы любое случайное упоминание казалось обычным.

В спальне зажгся свет. Максим вошёл, прикрыл за собой дверь и остановился, увидев жену одетой на кровати. Галстука на нём уже не было, верхняя пуговица рубашки оставалась расстёгнутой, а лицо выглядело усталым, но не настолько, насколько должно было выглядеть лицо мужчины, сообщившего жене об измене и намерении забрать дочь.

— Ты не спала? — спросил он, снимая часы и кладя их на тумбочку. Максим посмотрел на Анну внимательно, однако в его взгляде читалась не тревога, а оценка состояния, словно он пытался заранее понять, насколько трудным окажется продолжение разговора. — Я думал, ты хотя бы немного успокоишься.

— Я слышала, как Соня разговаривала с Валерией, — ответила Анна, не меняя положения. Она долго готовила эту фразу, но, произнесённая вслух, она всё равно отдалась внутри тупым ударом. — Они созванивались перед сном.

Максим замер всего на мгновение. Затем он отвернулся, начал расстёгивать манжеты и сделал это так спокойно, будто жена сообщила ему о звонке классного руководителя.

— Соня иногда ей звонит, — сказал он, стягивая рубашку с одного плеча. Максим говорил негромко, чтобы не разбудить дочь, и это тихое заботливое произношение делало его признание особенно мерзким. — Валерия умеет с ней разговаривать. В последнее время девочке не хватало взрослого, с которым она могла бы обсудить свои переживания.

— У Сони есть мать, — произнесла Анна, чувствуя, как сводит челюсть. Она заставила себя разжать зубы и посмотрела на мужа. — Почему ты говоришь о ней так, словно она уже осталась одна?

— Я этого не говорил, — ответил Максим, складывая рубашку на кресло. Он не бросил её, хотя обычно после тяжёлого дня оставлял одежду где придётся, и Анна с внезапной ясностью поняла, что муж тоже почти не спал, но потратил ночь не на сомнения, а на возвращение привычного контроля. — Не начинай новый скандал в шесть утра. Соня скоро проснётся.

— Я не собираюсь устраивать скандал, — сказала Анна, опуская ноги на пол. Ступни коснулись прохладного паркета, и она впервые за ночь почувствовала себя по-настоящему устойчиво. — Я поговорю с дочерью.

Максим повернулся к ней. Его лицо сразу стало жёстче, хотя голос сохранил прежнюю мягкость.

— Не нужно допрашивать ребёнка, — предупредил он, подойдя к шкафу. Максим открыл дверцу, достал домашнюю футболку и, прежде чем надеть её, задержал взгляд на жене. — Соня ни в чём не виновата. Если ты начнёшь требовать подробности и заставишь её чувствовать себя предательницей, хуже будет только ей.

— Ты полтора года изменял мне, познакомил любовницу с нашей дочерью, а теперь объясняешь, как мне не следует разговаривать с ребёнком, — произнесла Анна, и на последних словах голос всё же стал громче. Она сразу вспомнила о Соне и понизила его, но отступать не стала. — Ты не оставил мне права даже узнать, что происходит в жизни моей дочери.

— Валерия не вмешивалась в вашу связь, — ответил Максим, натягивая футболку. Он провёл ладонью по волосам и устало вздохнул, словно ему снова приходилось разбирать несправедливые обвинения. — Они познакомились естественно. Соня несколько раз была со мной после школы, Валерия присоединялась. Никто не представлял её новой матерью и не заставлял дочь хранить тайны.

— Она спросила, когда ты расскажешь маме, что они будут чаще видеться, — напонила Анна. Она поднялась и остановилась напротив мужа, впервые за утро увидев, что тот слегка отвёл глаза. — Значит, вы обсуждали будущее. С ней. С восьмилетним ребёнком. Пока я ничего не знала.

— Я говорил с Сонею очень осторожно, — произнёс Максим после короткой паузы. Он снова выбрал не отрицание, а более удобное объяснение. — Дети чувствуют напряжение раньше взрослых. Она давно понимала, что между нами что-то не так.

— Между нами что-то было не так, потому что ты жил на две семьи, — сказала Анна. Ей хотелось подойти ближе, заставить его хотя бы раз отступить, но между ними оставалось привычное расстояние в несколько шагов, на котором они годами обсуждали детей, работу и бытовые дела. — Не превращай последствия своей измены в детскую проницательность.

Максим посмотрел на дверь спальни, затем снова на жену. В его лице появилось раздражение человека, которому надоело повторять разумные доводы.

— Поговорим вечером, — сказал он, направляясь в ванную. — Сейчас мне нужно принять душ, а тебе лучше привести себя в порядок. Соня не должна увидеть тебя в таком состоянии.

Анна не сразу поняла, что именно он имеет в виду. Она подошла к зеркалу и увидела женщину с бледным лицом, красными глазами и растрёпанными волосами; ничего страшного, ничего безумного, просто человек, который за одну ночь потерял привычное представление о

своей жизни. Но Максим уже успел превратить и этот вид в очередное доказательство того, что мать неспособна сохранять спокойствие.

— В каком именно состоянии? — спросила она, поворачиваясь к мужу. Анна поймала его за запястье, когда он проходил мимо, и почувствовала, как тот сразу напряг руку. — Скажи. Я хочу услышать, что ты говоришь обо мне дочери.

— Я не говорю о тебе ничего плохого, — ответил Максим, глядя на её пальцы. Он не вырывался, но всем телом показывал, что прикосновение неприятно. — Я объясняю ей, что мама переживает тяжёлый период и ей нужно относиться к тебе бережно.

— Бережно, — повторила Анна, медленно отпуская его. На коже мужа осталось несколько светлых следов от её ногтей, и Максим сразу потёр запястье, хотя она не сжимала сильно. — Поэтому она скрывает разговоры с твоей любовницей.

— Она ничего не скрывает, — возразил он и открыл дверь ванной. Из тёмного помещения пахло прохладой и его вчерашним одеколоном. — Если хочешь поговорить с Соней, говори. Только не заставляй её отвечать за поступки взрослых.

Максим закрыл дверь. Через несколько секунд зашумела вода, и этот обычный утренний звук оказался почти оскорбительным: муж принимал душ в их ванной, готовился к рабочему дню и оставлял жену разбираться с ребёнком, которого сам три месяца приучал к будущей жизни.

Анна вернулась к зеркалу. Она собрала волосы, умылась холодной водой и долго смотрела, как капли стекают по коже, не возвращая лицу прежнего выражения. Потом нанесла немного крема, провела тушью по ресницам и сразу стёрла её, потому что попытка выглядеть как обычно показалась хуже слёз.

Соня проснулась в половине седьмого. Сначала в детской скрипнула кровать, потом зашлёпали босые ноги, а через несколько мгновений дочь появилась в коридоре в пижаме с маленькими лисами, прижимая к груди планшет.

— Мам, ты уже пришла? — спросила девочка, сонно шурясь. Увидев Анну, она просияла и побежала к ней, едва не поскользнувшись на гладком полу. — Я ждала, но потом заснула. Торт остался? Оксана сказала, что утром можно.

Анна опустила на корточки и обняла дочь. Соня была тёплой после сна, её волосы пахли подушкой, а маленькое тело доверчиво прижалось к матери с такой естественностью, что на несколько секунд всё произошедшее ночью стало казаться невозможным.

— Остался, — ответила Анна, поглаживая девочку по спине. Она закрыла глаза и прижалась щекой к её макушке, стараясь запомнить это ощущение раньше, чем Максим снова объяснит кому-нибудь, что дочери не хватает материнской близости. — Но сначала завтрак. Торт вместо каши мы всё-таки не будем есть.

— Папа разрешает иногда, — заметила Соня, отстраняясь. Девочка сказала это без упрёка и тут же потянула мать за руку в сторону кухни. — Он говорит, что один неправильный завтрак не разрушит жизнь.

Анна почувствовала короткий укол раздражения, но сразу подавила его. Соня не виновата, что отец последние месяцы старательно становился весёлым родителем, пока матери оставались уроки, режим, врачи и необходимость произносить неприятное слово «нельзя».

— Папа иногда любит красивые фразы больше полезной еды, — сказала она, поднимаясь. Анна улыбнулась и слегка коснулась пальцем кончика Сониного носа, чтобы дочь не услышала в словах злости. — Давай договоримся: сначала нормальный завтрак, потом маленький кусок торта.

— С кремовой розой? — спросила Соня, сразу забыв об отцовской философии. Она запрыгнула на стул и поставила планшет рядом с собой. — Я вчера хотела синюю, но Оксана дала цветок Свете. Там осталась жёлтая?

— Найдём тебе жёлтую, — пообещала Анна, открывая холодильник. Она достала молоко, яйца и контейнер с ягодами, стараясь двигаться спокойно, хотя взгляд постоянно возвращался к планшету. — Только планшет убери со стола. Мы договорились, что за едой никаких экранов.

Соня послушно взяла устройство и понесла его в комнату. На экране на мгновение вспыхнул список недавних вызовов, и Анна увидела имя «Лера» возле маленькой фотографии светловолосой женщины, но дочь сразу погасила экран, не заметив материнского взгляда.

Анна отвернулась к плите. Масло на сковороде начало тихо шипеть, когда она разбила яйца, и привычное движение немного успокоило: скорлупа треснула, белок растёкся, желток остался целым. Простые вещи подчинялись понятным правилам, и только человеческая жизнь могла полтора года выглядеть цельной, уже давно расколовшись изнутри.

Соня вернулась, забралась на высокий стул и принялась болтать ногами. Анна поставила перед ней стакан с водой, нарезала яблоко и несколько секунд не решалась начать разговор, потому что любое неосторожное слово могло заставить девочку защищать отца или почувствовать, что она сделала что-то плохое.

— Сонюш, — произнесла Анна, раскладывая омлет по тарелкам. Она села напротив, но не стала сразу смотреть дочери в глаза, чтобы вопрос не выглядел требованием. — Вчера ты разговаривала с Лерой. Это та самая Лера, которая работает с папой?

— Да, — ответила Соня и потянулась за кусочком яблока. В её голосе не было ни напряжения, ни испуга, а значит, ребёнок действительно не считал разговор запретным. — Она не прямо у папы работает. Она иногда помогает ему с детьми, которые грустят, когда родители ругаются.

Анна сжала вилку. Металл упёрся в кожу, но боль помогла сохранить лицо спокойным.

— Вы часто разговариваете? — спросила она, разрезая собственный омлет на маленькие ровные части. Еда не вызвала никакого желания, однако Анна продолжала водить ножом, чтобы руки были заняты. — Я просто вчера удивилась. Не знала, что вы так хорошо знакомы.

Соня подняла глаза. Она перестала жевать, и на её лице появилось лёгкое недоумение.

— Ты же знаешь Леру, — сказала девочка, проглотив яблоко. Она чуть склонила голову, повторяя знакомый жест Валерии, и от этого движения у Анны сжалось сердце. — Папа говорил, что ты знаешь.

— Я встречала её на работе, — осторожно ответила Анна. Она положила нож рядом с тарелкой и сложила ладони, чтобы дочь не заметила, как дрожат пальцы. — Но я не знала, что вы с ней дружите.

Соня нахмурилась. Девочка посмотрела в сторону коридора, откуда доносился шум воды, будто хотела убедиться, что отец ещё в ванной.

— Мы не прямо дружим, — объяснила она, понизив голос. — Она просто иногда бывает с нами. Папа сказал, что тебе тяжело говорить про Леру, поэтому лучше не спрашивать, пока ты сама не захочешь.

Анна почувствовала, как холод возвращается в пальцы. Максим не просил ребёнка лгать; он сделал нечто гораздо удобнее — объяснил, что молчание является заботой о матери.

— Почему мне тяжело говорить про неё? — спросила Анна, заставив голос остаться мягким. Она слегка улыбнулась, хотя мышцы лица не слушались. — Папа объяснял?

Соня пожала плечами и взяла вилку. Она размазала желток по тарелке, рисуя жёлтую дорожку, и ответила не сразу.

— Потому что бабушка умерла, — сказала девочка наконец. — И ты после этого грустная. Папа говорил, что взрослые перемены могут сделать тебе ещё грустнее, поэтому нам надо подождать, пока ты будешь готова.

Анна смотрела на дочь и чувствовала, как слова Максима проходят через детский голос, становясь ещё страшнее. Он использовал смерть её матери не только в соглашении и разговоре

о месте жительства Сони; он сделал материнское горе причиной, по которой ребёнок должен скрывать от неё новую женщину отца.

— Какие взрослые перемены? — спросила Анна, хотя знала, что не должна торопиться. Она провела ладонью по столу, убирая невидимую крошку, и постаралась придать вопросу обычное любопытство. — Что именно тебе рассказывал папа?

Соня снова посмотрела в коридор. Теперь в её глазах появилась осторожность, но не страх перед матерью — страх нарушить правило, установленное отцом.

— Он говорил, что вы можете жить не вместе, — призналась девочка, опуская вилку. Её плечи слегка поднялись, словно она ожидала, что сейчас случится что-то неприятное. — Но ты всё равно останешься моей мамой. Просто у тебя будет больше времени работать и ездить куда хочешь, а я буду иногда у тебя, иногда у папы.

Анна медленно вдохнула. Воздух вошёл в грудь, но не принёс облегчения; внутри будто лежал тяжёлый камень, не позволявший лёгким раскрыться полностью.

— Когда он это сказал? — спросила она, стараясь не смотреть слишком пристально. Анна потянулась к дочери и поправила выбившуюся прядь, показывая прикосновением, что не сердится. — Давно?

— Не очень, — ответила Соня и задумалась, поджимая губы. — Когда мы катались. Там ещё музыка была громкая, и Лера купила мне шоколад, потому что я упала.

— Вы были на катке втроём? — уточнила Анна. Перед глазами вспыхнуло сообщение Максима, полученное в один из ноябрьских вечеров: «Мы с Соней задержимся, решили показаться, поужинай без нас». Анна тогда сидела в офисе, проверяла материалы к его утреннему выступлению и радовалась, что отец проводит время с дочерью. — Папа, ты и Лера?

— Да, — кивнула Соня, окончательно успокоившись, потому что мать говорила ровно. — Лера сначала не хотела кататься, но папа уговорил. Она смешно машет руками, когда боится упасть. А потом она всё-таки упала, и мы долго смеялись.

Анна тоже улыбнулась. Улыбка получилась болезненной, однако Соня приняла её за реакцию на весёлый рассказ.

— А ещё куда вы ходили вместе? — спросила она, наливая дочери воды. стакан звякнул о край кувшина, и Анна поставила его осторожнее. — Мне интересно, чем вы занимались.

Соня оживилась. Она начала загибать пальцы, вспоминая поездки, которые для неё были простыми хорошими днями.

— Мы были в кафе с кошками, но там одна кошка поцарапала папу, потому что он гладил её против шерсти, — рассказывала девочка, улыбаясь. — Потом выбирали подарок Вике, и Лера сказала, что нельзя дарить человеку то, что нравится тебе самой. Ещё мы ездили в большой книжный, где есть лестница до потолка, а потом были в парке. Там Лера научила меня делать фотографии, чтобы солнце было сбоку, а не прямо в лицо.

Три месяца. Кафе, каток, магазин, парк, разговоры по планшету и подарки. Максим не просто однажды случайно познакомил дочь с любовницей, а постепенно вплетал её в жизнь ребёнка, создавая общие воспоминания, шутки и маленькие правила.

— Ты несколько раз рассказывала мне про папину знакомую Леру, — сказала Анна, и память действительно возвращала отдельные фразы. Соня показывала фотографию кота и говорила, что Лера умеет снимать лучше папы; однажды принесла домой красивую закладку и объяснила, что её выбрала папина коллега. — Я думала, вы встречались случайно, когда папа был по работе.

— Папа так и говорил, — ответила девочка, беря кусочек омлета. — Что вы с Лерой знакомы и всё нормально. Он сказал, ты не против, просто пока не хочешь с нами ходить.

Анна опустила глаза. В этом и состояла точность его плана: Соня не скрывала Валерию, а мать не задавала вопросов, потому что всё происходило на виду, под видом обычного общения

с коллегой. Если дочь упоминала Леру, Максим подтверждал знакомство и тут же объяснял поездку работой, случайной встречей или общей компанией.

— Я никогда не говорила папе, что не хочу ходить с вами, — произнесла Анна. Она сказала это прежде, чем успела решить, стоит ли опровергать отцовские слова прямо сейчас. — Он меня не приглашал.

Соня застыла с вилок у рта. На лице ребёнка появилось растерянное выражение, которое Анна сразу возненавидела, потому что именно его хотела избежать.

— Но ты всё время работаешь, — сказала девочка после паузы. Она опустила вилку и посмотрела на мать серьёзно, почти по-взрослому. — Папа говорил, тебе лучше, когда мы не мешаем.

Анна почувствовала, как боль медленно поднимается от живота к груди. Она вспомнила десятки вечеров, когда Максим забирал Соню, а саму Анну оставлял с работой, которую нужно было закончить к его выступлению, встрече или поездке; теперь эти вечера стали доказательством, что семье без неё было лучше.

— Вы мне не мешаете, — сказала Анна, протягивая руку через стол. Она накрыла маленькие пальцы дочери своей ладонью и почувствовала, как Соня сначала напряглась, а потом расслабилась. — Иногда я много работаю и устаю. Это правда. Но я никогда не хотела, чтобы вы уходили куда-то без меня потому, что мне лучше одной.

— Тогда почему ты не ходила? — спросила Соня. В её вопросе не было обвинения, только искреннее непонимание, и от этого Анне стало ещё больнее.

— Потому что меня никто не звал, — ответила она и сразу поняла, что сказанное слишком близко к обвинению отца. Анна погладила дочь по руке и добавила спокойнее: — Папа говорил, что вы проводите время вдвоём, и я считала это хорошим. Мне нравилось, что у вас есть свои дни.

— Лера иногда просто приходила, — объяснила Соня. Она высвободила руку, чтобы взять стакан, и выпила несколько глотков. — Папа говорил, что так веселее. Она правда весёлая и почти никогда не устаёт.

Анна почувствовала, как слова попали точно в самое болезненное место. Дочь не хотела сравнивать женщин, но Максим уже дал ей необходимые признаки: одна молодая, весёлая и не устаёт, другая постоянно работает, грустит после смерти матери и нуждается в бережном молчании.

— Все люди иногда устают, — сказала Анна, заставив себя не защищаться перед ребёнком. Она потянулась к тарелке, хотя есть не собиралась, и отрезала маленький кусок омлета. — Просто не все показывают это детям.

— Лера показывает, — возразила Соня, подумав. — Она однажды сказала, что устала быть тайной. Но потом папа рассердился, и они думали, что я не слышу.

Анна замерла. Кусок омлета остался на вилке, а рука зависла над тарелкой.

— Когда это было? — спросила она. Голос прозвучал слишком резко, поэтому Анна сразу опустила вилку и смягчила тон. — Прости, солнышко. Я просто не поняла, что она имела в виду.

Соня пожала плечами. Она не придавала словам Валерии особого значения, потому что отец, вероятно, сразу нашёл объяснение.

— В машине, после книжного, — ответила девочка. — Лера сказала, что ей надоело сидеть сзади и делать вид, будто она просто знакомая. Папа сказал, что ещё рано и тебе будет больно. Потом они замолчали.

Анна увидела эту сцену слишком ясно. Валерия сидит на заднем сиденье рядом с Соней, Максим ведёт машину, а между ними происходит разговор о женщине, которая в это время, возможно, ждёт дома или работает над его материалами. Они обсуждают, когда именно ей следует сообщить, что семейная жизнь уже поделена без неё.

— А потом папа объяснил, что взрослые иногда перестают любить друг друга, — продолжила Соня, ковыряя вилкой омлет. Теперь девочка говорила тише, потому что снова почувствовала напряжение матери. — Но это не значит, что кто-то плохой. Просто любовь заканчивается, а потом можно найти новую.

Анна медленно выпрямилась. Она хотела спросить, говорил ли Максим, что именно его любовь закончилась, или он уже от имени обоих родителей объявил их брак пустым. Ответ был очевиден, но услышать его от Сони казалось необходимым.

— Он сказал, что я его больше не люблю? — спросила Анна. Она старалась говорить спокойно, однако дочь всё равно подняла глаза и внимательно посмотрела на её лицо.

— Он сказал, вы оба устали, — ответила Соня после небольшой паузы. — И ты сама будешь рада, когда не надо будет всё время думать про дом. Ты сможешь больше работать и ездить в другие страны, как тётя Марина.

Анна прикрыла глаза. Марина была её университетской подругой, разведённой, без детей, часто путешествовавшей по работе. Максим когда-то шутил, что Анна тайно завидует её свободе, и теперь превратил старую безобидную шутку в план будущей жизни жены.

— Я не хочу уезжать от тебя, — сказала Анна, снова открывая глаза. Она произнесла это медленно и ясно, чтобы дочь запомнила не только слова, но и голос. — Ни ради работы, ни ради путешествий. Я никогда не говорила папе, что хочу жить отдельно от тебя.

Соня опустила взгляд. Её нижняя губа дрогнула, и Анна сразу поняла, что зашла слишком далеко: девочка начала осознавать, что один из родителей говорил неправду.

— Папа врал? — спросила она, почти шёпотом. Соня сжала край пижамной кофты и потянула ткань вниз. — Он сказал, что вы просто пока не можете спокойно поговорить.

Анна поднялась со своего места, обошла стол и села рядом с дочерью. Она обняла Соню за плечи, прижала к себе и почувствовала, как маленькое тело напряглось, не зная, можно ли довериться матери против слов отца.

— Папа должен сам объяснить, почему он говорил именно так, — ответила Анна, поглаживая дочь по волосам. Она не хотела называть Максима лжецом, хотя каждое слово внутри требовало этого. — Я могу говорить только за себя. Я не собиралась уходить от тебя и не знала, что вы так часто встречаетесь с Лерой.

— Но папа сказал, ты знаешь, — повторила Соня, и в голосе появилась тревога. Девочка отстранилась, чтобы посмотреть матери в лицо. — Он говорил, что ты всё знаешь, просто не надо спрашивать, потому что тебе больно после бабушки.

— Я знала, что Лера работает с папой, — сказала Анна. Она убрала волосы с Сониного лба и заставила себя улыбнуться. — Но я не знала, что она ходит с вами в кафе, на каток и разговаривает с тобой по вечерам.

— Ты теперь будешь ругаться? — спросила Соня, мгновенно испугавшись. Она бросила взгляд на дверь кухни, за которой всё ещё было тихо. — Только не ругай папу при мне. Он сказал, ты можешь очень рассердиться, если узнаешь.

Анна почувствовала, как внутри поднимается ярость, но направлена она была не на ребёнка и даже не на Валерию. Максим заранее подготовил дочь к реакции жены, поэтому любая боль Анны становилась подтверждением его слов.

— Я не буду ругаться при тебе, — пообещала она, обнимая Соню крепче. — Ты ничего плохого не сделала. Слышишь меня? Ты верила папе и думала, что я всё знаю.

— Я не врала, — быстро сказала девочка. Её голос задрожал, и она прижалась лицом к материнскому плечу. — Я иногда хотела рассказать, но папа говорил, что это не секрет. Просто нельзя задавать тебе грустные вопросы.

— Ты не врала, — повторила Анна, закрывая глаза. Она гладила дочь по спине и чувствовала, как постепенно расслабляются её плечи. — Это взрослые должны были говорить друг с другом честно. Ты не обязана была решать, что мне можно знать.

Соня тихо всхлипнула. Анна прижала её крепче, чувствуя одновременно любовь и отчаяние: дочь находилась в её руках, но между ними уже стояли слова Максима, осторожно помещённые туда за последние месяцы.

Шум воды в ванной прекратился. Через несколько минут в коридоре открылась дверь, и Максим вошёл на кухню уже одетым: тёмные брюки, светлая рубашка, влажные волосы аккуратно зачёсаны назад. Он остановился, увидев Соню в объятиях матери, и его лицо сразу изменилось.

— Что произошло? — спросил он, проходя к столу. Максим посмотрел сначала на дочь, потом на Анну, и в его голосе появилась требовательная тревога. — Почему Соня плачет?

Девочка быстро вытерла лицо рукавом. Она попыталась выскользнуть из материнских рук, словно боялась, что отец увидит её на стороне Анны, и это движение причинило боль сильнее любого обвинения.

— Мы разговариваем, — ответила Анна, не отпуская дочь полностью. Она оставила ладонь у неё на плече, показывая, что Соня может уйти, но не обязана. — Я спросила, как давно она знакома с Валерией.

Максим замер возле кофемашины. Его рука уже потянулась к кнопке, но остановилась в воздухе.

— Я просил тебя не втягивать ребёнка, — сказал он, медленно опуская ладонь. Голос оставался тихим, однако в нём появилась холодная жёсткость, которую Соня сразу почувствовала и съёжилась. — Мы могли обсудить всё вдвоём.

— Вдвоём мы обсуждали только то, что ты решил сообщить, — ответила Анна. Она поднялась, но осталась рядом с дочерью. — О трёх месяцах кафе, катков и вечерних звонков ты предпочёл не рассказывать.

— Я собирался объяснить, когда ты будешь способна слушать, — произнёс Максим, бросив взгляд на Соню. Он снова сделал голос мягче, но теперь эта мягкость предназначалась дочери. — Солнышко, иди умойся и переоденься. Мы с мамой просто немного не поняли друг друга.

— Нет, — сказала Анна раньше, чем Соня успела встать. Она положила обе ладони на стол и посмотрела мужу прямо в лицо. — Не нужно снова отправлять её из комнаты, а потом объяснять за меня, что произошло. Соня должна услышать, что она не виновата.

— Разумеется, она не виновата, — ответил Максим, и на его лице появилось искреннее недоумение. Он обошёл стол и присел рядом с дочерью, беря её за руку. — Никто тебя не обвиняет, маленькая. Мама просто расстроена взрослыми делами и задаёт слишком много вопросов.

Анна увидела, как Соня мгновенно успокоилась от его уверенного тона. Максим не рассказывал правду и не признавал ложь; он возвращал ребёнку привычную картину, в которой отец всё контролирует, а мать переживает тяжёлый эмоциональный период.

— Я задаю вопросы, потому что ты знакомил нашу дочь с женщиной, с которой мне изменял, — произнесла Анна, стараясь не повышать голос. Она понимала, что говорит слишком прямо, но больше не могла позволить Максиму заменять смысл красивыми формулировками. — Три месяца ты водил их вместе на прогулки и говорил Соне, что я всё знаю.

Соня вздрогнула. Максим медленно поднялся, не отпуская её руки, и посмотрел на жену с настоящим гневом.

— Тебе обязательно было произносить это при ребёнке? — спросил он, и теперь уже его голос стал громче. Максим сразу понизил тон, но осуждение осталось. — Она восьмилетняя девочка, а не твоя подруга, которой можно рассказывать подробности нашего брака.

— Она уже знает о нашем разводе больше меня, — ответила Анна. Она указала на дочь, но тут же опустила руку, заметив, как Соня испуганно следит за движением. — Ты объяснил

ей, что взрослые перестали любить друг друга, что мама будет работать и путешествовать, а рядом появится Лера.

— Я не говорил, что Лера займёт твоё место, — возразил Максим. Он повернулся к Соне и слегка сжал её пальцы. — Мы обсуждали только то, что иногда родители живут отдельно, но продолжают любить детей.

— Ты говорил, что мама всё знает, — тихо напоямила Соня. Она смотрела на отца снизу вверх, и в её глазах уже появилась первая трещина сомнения. — Но мама не знала.

Максим помолчал. Анна увидела, как быстро он ищет правильный ответ, способный не признать ложь и одновременно сохранить доверие дочери.

— Мама знала, что у нас есть сложности, — сказал он наконец, присев рядом с девочкой. Максим говорил медленно и очень спокойно, словно объяснял трудную задачу. — Я был уверен, что она понимает, к чему всё идёт. Возможно, я ошибся и слишком рано познакомил тебя с Лерой. Но я никогда не просил тебя врать.

— Ты сказал не спрашивать маму, — возразила Соня. Теперь её голос стал тише, а взгляд опустился к столу. — Потому что она грустная после бабушки.

— Я попросил тебя быть бережной, — поправил Максим. Он погладил дочь по волосам, и со стороны жест выглядел нежным, почти идеальным. — Это не ложь. Мама действительно тяжело переживала смерть бабушки, и я не хотел добавлять ей боли раньше времени.

— Раньше времени, — повторила Анна. Она смотрела на мужа и чувствовала, как ярость становится холодной, почти прозрачной. — Ты полтора года выбирал правильное время, чтобы сообщить жене, что у тебя новая женщина, а дочь три месяца учил относиться к моему незнанию как к болезни.

— Я не учил её ничему подобному, — ответил Максим, поднимаясь. Он встал между Анной и Соне, почти незаметно отодвинув ребёнка себе за спину. — Ты сейчас специально искажаешь мои слова, потому что тебе больно.

— Мне больно, — согласилась Анна. Она не стала спорить с очевидным, и это на мгновение выбило Максима из подготовленной позиции. — Но боль не делает меня глупой. Ты создал ситуацию, в которой Соня могла рассказывать о Валерии, а я не должна была понимать, кем та является. Это было удобно для тебя, а не бережно для меня.

Максим устало потёр переносицу. Потом посмотрел на часы, словно разговор уже отнимал время у более важных дел.

— Мы ходили в общественные места, — сказал он, подчёркивая каждое слово. — Валерия не ночевала здесь, не называла себя матерью Сони и не просила ребёнка выбирать между женщинами. Она несколько раз присоединилась к нам, потому что умеет общаться с детьми и Соня к ней потянулась.

— Ты позволил ей обсуждать с моей дочерью наш брак, — произнесла Анна. Она вспомнила слова о любви, которая заканчивается, о будущих путешествиях матери и о том, что ребёнок останется с отцом. — Это не случайное общение в кафе.

— Соня задавала вопросы, — ответил Максим, пожимая плечами. — Валерия отвечала спокойно и без драматизации. Возможно, именно поэтому дочь доверяет ей.

Анна почувствовала, как последние слова входят под рёбра. Максим не просто защищал любовницу; он сравнивал их и сразу назначал победителя: Валерия отвечает спокойно, Анна драматизирует.

— Она доверяет ей, потому что ты сказал, что я одобряю их общение, — сказала Анна. Её голос стал тише, но Соня всё равно смотрела на мать с тревогой. — Ты использовал моё имя, чтобы впустить Валерию в жизнь ребёнка.

— Я использовал здравый смысл, — возразил Максим. Он отошёл к кофемашине и наконец нажал кнопку. Аппарат загудел, выпуская в чашку тёмную струю, и этот деловой жест

показал, что муж считает разговор почти завершённым. — Мы с тобой не могли бесконечно делать вид, что всё хорошо. Соне всё равно пришлось бы узнать о переменах.

— После того, как о них узнаю я, — ответила Анна. Она подошла ближе и выключила кофемашину прежде, чем чашка наполнилась. Несколько капель упали на подставку, а Максим посмотрел на жену так, словно она совершила бессмысленную детскую выходку. — Сначала ты говоришь с женой. Потом мы вместе решаем, что и как сообщить дочери. Ты не начинаешь репетицию новой семьи за моей спиной.

— Никакой новой семьи пока нет, — сказал Максим, убирая её руку от кнопки. Он сделал это аккуратно, но с явным раздражением. — Есть женщина, которую я люблю, и ребёнок, который хорошо к ней относится. Ты сейчас требуешь разрушить их связь только потому, что тебе неприятен способ, которым всё произошло.

— Я требую прекратить встречи Валерии с Соней, — произнесла Анна. Она сказала это ясно, не оставляя пространства для толкований. — С сегодняшнего дня. Никаких кафе, катков, поездок и звонков по вечерам. Пока мы не разберёмся с тем, что происходит в нашей семье, твоя любовница не будет общаться с моей дочерью.

Соня резко подняла голову. Максим тоже замер, а затем медленно поставил недопитую чашку на стол.

— Ты не можешь запретить мне видеться с человеком, которого я люблю, когда со мной находится дочь, — сказал он. В голосе больше не было ни сочувствия, ни терпения, только холодная уверенность. — Ты не распоряжаешься моей жизнью.

— Я распоряжаюсь тем, кто получает доступ к моему восьмилетнему ребёнку, — ответила Анна. Она чувствовала, как дрожит всё тело, но удерживала голос ровным. — Валерия три месяца поддерживала твою ложь и говорила с Соней о разводе, которого я ещё не знала. Этого достаточно.

— Она говорила с ребёнком осторожнее, чем ты сейчас, — заметил Максим, посмотрев на дочь. Соня сидела между ними, сжав ладони на коленях и переводя испуганный взгляд с одного родителя на другого. — Ты уже заставила девочку плакать, потому что не смогла дождаться, пока мы обсудим всё без неё.

Анна почувствовала вину мгновенно. Она увидела красные глаза Сони, недоеденный завтрак и маленькие пальцы, вцепившиеся в край пижамы, но вместе с виной пришло понимание: Максим специально переводил разговор с собственной лжи на её реакцию.

— Я пытаюсь исправить то, что ты сделал, — сказала она, опускаясь рядом с дочерью. Анна повернулась к Соне и взяла её за обе руки. — Солнышко, посмотри на меня. Ты не сделала ничего плохого. Я не сержусь на тебя.

— Но ты запретила Леру, — произнесла Соня, и в её голосе уже появились слёзы. Девочка посмотрела на мать так, будто та действительно отбирала у неё что-то дорогое. — Она мне ничего плохого не делала.

Анна ощутила, насколько глубоко Валерия уже вошла в жизнь ребёнка. Для неё это была любовница мужа, участница полуторалетней лжи, а для Сони — женщина, которая покупала какао, смеялась на катке и спокойно объясняла взрослые перемены.

— Я знаю, что она была с тобой доброй, — сказала Анна, глядя пальцами детские ладони. Она не могла назвать Валерию чудовищем, потому что тогда дочь начнёт защищать свои хорошие воспоминания. — Но взрослые иногда делают неправильные вещи, даже когда умеют быть весёлыми и добрыми с детьми. Сейчас нам нужно побыть семьёй без Леры.

— Мы уже не семья, — тихо сказал Максим.

Анна резко повернула голову. Он стоял у стола, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с холодным спокойствием, не замечая или не желая замечать, как побледнела Соня.

— Не смей говорить это при ребёнке, — произнесла Анна. Она поднялась так быстро, что стул скрипнул по полу. — Вчера ты обвинял меня в том, что я втягиваю дочь, а теперь сам объявляешь ей, что семьи больше нет.

— Я не собираюсь поддерживать ложные надежды, — ответил Максим. Он сделал шаг к Соне, но Анна встала между ними. — Семья в прежнем виде закончилась. Чем раньше мы примем это без истерик, тем легче будет всем.

— Принять должна была сначала я, — сказала Анна, чувствуя, как в горле становится сухо. — Не Валерия. Не Соня. Я. Твоя жена, с которой ты прожил двадцать два года.

— Ты бы никогда не была готова, — ответил Максим после короткой паузы. Его голос смягчился, но эта мягкость уже не обманывала Анну. — Ты держишься за привычный порядок и называешь его любовью. Если бы я ждал твоего разрешения, мы прожили бы так ещё десять лет.

— Поэтому ты решил заменить меня заранее, — произнесла она. Анна указала на коридор, где лежал Сонин планшет. — Сначала в разговорах, потом на прогулках, потом, видимо, в этом доме.

— Никто тебя не заменяет, — сказал Максим, но теперь его терпение окончательно закончилось. Он наклонился к жене и заговорил тихо, чтобы слышала только она, хотя Соня сидела в двух шагах. — Ты сама отталкиваешь ребёнка. Валерия никогда не устраивает сцен, не требует немедленных ответов и не заставляет Соню чувствовать вину за то, что ей хорошо с другими людьми.

Анна смотрела ему в глаза. Максим говорил о любовнице с уважением, которого давно не оставалось в его голосе, когда речь заходила о жене.

— Ты считаешь, что я наказываю дочь из ревности, — сказала она, не спрашивая. Анна почувствовала, что именно это объяснение муж уже давал Валерии, а возможно, и Соне. — Что мне неприятно, потому что рядом с ней молодая женщина.

— Я считаю, что ты сейчас думаешь прежде всего о своём унижении, — ответил Максим. Он выпрямился и посмотрел на дочь, словно искал в ней подтверждение. — А Соня успела привязаться к Валерии. Ты хочешь оборвать эту связь одним приказом, не потому что она вредна ребёнку, а потому что тебе больно видеть последствия нашего расставания.

— Наше расставание началось для меня вчера, — напомнила Анна. Она чувствовала, как голос снова начинает дрожать, и ненавидела Максима за то, что любая дрожь позволяла ему выглядеть более разумным. — Для вас оно длится полтора года. Не требуй, чтобы я за одну ночь догнала ваш общий план.

— Тогда не принимай решений за одну ночь, — ответил он. Максим посмотрел на часы и взял со стола телефон. — Я отвезу Соню в школу. Мы поговорим вечером, когда ты сможешь обсуждать это без угроз.

— Я сама отвезу её, — сказала Анна.

Соня поднялась со стула. Она стояла между родителями, маленькая, босая, в пижаме, и выглядела так, словно утро стало слишком большим для её восьми лет.

— Я могу с Оксаной, — предложила она тихо. Девочка переводила взгляд с матери на отца и явно хотела исчезнуть из разговора, но няня уже ушла, а взрослые не оставили ей ни одного безопасного выхода. — Или сама. Тут недалеко.

Анна почувствовала, как вина сдавила грудь. Она опустила перед дочерью, взяла её за плечи и заставила себя улыбнуться.

— Ты не пойдёшь одна, — сказала она, поправляя ворот пижамы. — Сейчас мы закончим завтрак, заплетём косы, и я отвезу тебя. Папа тоже может поехать, если хочет.

Максим хотел возразить, но промолчал. Возможно, понял, что дальнейший спор при ребёнке уже невозможно представить заботой о её спокойствии.

Соня вернулась на стул, но есть больше не стала. Анна убрала тарелки, достала из холодильника обещанный кусок торта и положила на блюде жёлтую кремовую розу, однако дочь только провела по ней пальцем, оставив след.

В следующие двадцать минут они почти не разговаривали. Максим пил кофе, просматривал сообщения и время от времени бросал взгляды на жену, словно ожидал нового всплеска. Анна помогала Соне одеться, распутывала волосы и плела две косы, стараясь делать всё так же, как раньше.

Пальцы помнили движения лучше головы. Разделить волосы, провести расчёской, перехватить прядь, затянуть резинку; это был их маленький утренний ритуал, и Анна цеплялась за него, как за доказательство, что её материнство состоит не только из пропущенных прогулок и слов Максима.

— Не так туго, — попросила Соня, поморщившись. Она сидела перед зеркалом в прихожей и следила, как мать закрепляет вторую косу. — Лера говорит, если сильно тянуть волосы, потом будет болеть голова.

Руки Анны замерли. Она увидела в зеркале лицо дочери и собственное отражение за её спиной, а рядом — Максима, застёгивающего пальто.

— Хорошо, — сказала Анна, ослабляя резинку. Она заставила пальцы двигаться мягче и провела ладонью по волосам Сони. — Так лучше?

Девочка кивнула, но не улыбнулась. Она надела куртку, взяла рюкзак и несколько секунд стояла у двери, словно собираясь с силами.

— Мам, — позвала Соня, когда Максим уже открыл замок. Она обернулась и посмотрела на Анну снизу вверх. — Можно спросить?

— Конечно, — ответила Анна. Она присела, чтобы их лица оказались на одном уровне, и взяла дочь за руки. — Спрашивай всё, что хочешь.

Соня помолчала. Её пальцы были холодными, хотя в квартире было тепло, и Анна растёрла их своими ладонями.

— Папа сказал, ты сердилась на Леру, потому что она молодая и у неё больше сил со мной играть, — произнесла девочка тихо, словно повторяла что-то, что давно боялась проверить. Она подняла взгляд и внимательно посмотрела матери в лицо. — Это правда?

Анна почувствовала, как слова входят внутрь медленно и глубоко. Перед ней стояла собственная дочь, но говорила она голосом Максима, пересказывая материнство как соревнование между уставшей старой женой и молодой весёлой женщиной.

Максим замер у открытой двери. Он ничего не сказал, однако Анна чувствовала его взгляд и понимала: любой ответ станет частью уже начатой борьбы.

Она могла сказать, что Валерия разрушила их семью. Могла объяснить, что отец лгал, а молодость не даёт права занимать чужое место. Могла защищаться, перечислять завтраки, болезни, ночи возле детской кровати и тысячи маленьких дел, из которых складывалась жизнь матери.

Но Соня спрашивала не о Валерии. Она спрашивала, достаточно ли хороша её мама рядом с другой женщиной.

— Я сержусь не потому, что Лера молодая, — ответила Анна, осторожно поправляя шарф дочери. Голос дрогнул, но она не позволила себе отвести глаза. — Я сержусь потому, что взрослые говорили с тобой о нашей семье без меня и заставили думать, будто любовь можно измерить тем, у кого больше сил на игры.

Соня смотрела на неё молча. За спиной девочки Максим тяжело выдохнул, но Анна не обернулась.

— Я иногда устаю, — продолжила она, сжимая маленькие руки. — Иногда работаю слишком много и не всегда успеваю туда, куда хочу. Но это не значит, что я люблю тебя меньше или хочу, чтобы рядом со мной стало свободное место.

Дочь медленно кивнула. Она не обняла мать, не улыбнулась и не сказала, что всё поняла; просто высвободила руки и вышла на лестничную площадку, потому что в восемь лет невозможно за одно утро разобраться, кто из родителей говорит правду.

Максим задержался в дверях. Он посмотрел на Анну с усталым осуждением, словно именно она только что заставила ребёнка выбирать между двумя женщинами.

— Ты всё усложняешь, — произнёс он негромко, придерживая дверь. — Валерия никогда не пыталась занять твоё место.

Анна посмотрела на мужа и впервые поняла, что больше не обязана убеждать его в очевидном. Место матери нельзя занять прогулками, подарками или спокойными разговорами, но можно заставить ребёнка поверить, что настоящая мать держится за него только из ревности.

— Она уже его занимает, — ответила Анна, закрывая за ними дверь. — Просто ты начал с того места, которое было в голове нашей дочери.

Глава 3. Версия для сына

После того как за Максимом и Соней закрылась дверь, квартира не стала тише. Наоборот, в ней осталось слишком много звуков, которые прежде Анна почти не замечала: негромкое гудение холодильника, щелчки остывающей кофемашины, мерное тиканье часов в гостиной и вода, падающая капля за каплей из пл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.